

Добровольные сибиряки из Польши

Назаренко Т.Ю., Березовский Г.Н.

С 2013 года в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова реализуется проект «Сибиряки вольные и невольные». На сайте проекта <http://сибиряки.онлайн> концентрируются семейные истории людей, которые прибыли в Сибирь по своей воле, или по принуждению. Обилие историй от вольных переселенцев наглядно опровергает расхожее мнение, что в Сибири – все сосланные, особенно если речь идет о поляках. Действительно, среди жителей Томской области немало потомков участников восстаний 1830 и 1863 годов, но немало и тех, кто отправился сюда искать лучшей доли. Геннадий (в крещении – Генрих) Николаевич Березовский – как раз из такой семьи.

Роды Василевских и Шутинских слились воедино уже на земле сибирской. Возможно, что не будь переселения, никогда бы не встретились его дедушка и бабушка. Потому что прадед по мужской линии жил в Гродненской губернии (деревня Яриловка Мстиславской волости Волковысского уезда). А по женской - в Виленской (д. Гаути Сольской волости Ошмянского уезда). На самом переломе двух столетий и Шутинские, и Василевские, устав от безземелья на родной стороне, отправились в Сибирь.

Прадед, Викентий Адамович Шутинский, на момент переселения был уже не молод – он родился примерно в 1830 году. В Сибирь с ним ехали дети от первого брака Викентий (1877 г.р.) и Антон (1878 г.р.), и дети от второго - Иван (1880 г.р.), Анна, Александр и Марианна (1902 г.р.). Ехала и первая жена Антонида (с сыновьями, поскольку у Викентия Адамовича была уже вторая жена – София). Поселились они в д. Тюнярь Семилуженской волости Томского уезда¹. Деревня Тюнярь, она же - поселок Тюнорский, была переселенческая, и жили в ней по преимуществу люди православной веры.

Второй польской семьей в ней были Василевские. Глава семьи, Викентий Викентьевич Василевский был на 15 лет моложе Викентия Шутинского. С собой привез жену Юзефу Феликсовну, а также детей Юлиана (ок. 1885 г.р.), Елену (ок. 1887 г.р.), Розалию, Паулину (1879 г.р.).

Обеим семьям переезд дался крайне нелегко. В 1901 году Шутинские схоронили Антониду, а Василевские – умершую от чахотки 21-летнюю Паулину. Из родившихся в Тюняре детей выжила только Анна (1902 г.р.), а прочие дети – Ядвига, Доминик, Феликс, Вера, Адольф - не зажились на этом свете.

Переселенцам в Сибирь 1890-х и 1900-х годов было много проще, чем тем, кто подался искать своей доли ранее. Построена железная дорога, отработана система помощи переселенцам в пути и по приезде. Однако хотелось бы подчеркнуть, что эти люди ехали оттуда, где жить было трудно, туда, где их невесты что ожидало. Государство, кстати, распространяя брошюры с указанием районов возможного переселения, всегда предупреждало: прежде чем срываться в путь, подумать: а нельзя ли решить проблемы иным, менее рискованным путем? Но если нет, и посланный ходок выбрал участок – тогда

¹ Геннадий Березовский: «Этот населенный пункт был образован в 1890 году. Селькупское значение слова Тюнярь – земляное болото. Деревня прекратила свое существование в годы хрущевского укрупнения колхозов. Первоначально деревня Тюнярь относилась к Семилуженской волости, затем Александровской, затем - Туганский район, в настоящее время это территория Томского района. «По спискам 1893 года нас. Пункт Тюнярь отсутствует, в 1911 году он упоминается и указывается, что в нем 61 двор. Также упоминается поселок Тюнорский с аналогичным количеством дворов, расположенный в Семилуженской волости. Указывается, что дата его основания - 1890 год. Все соседи были выходцами или из пос. Тюнярь, а еще был переселенческий поселок Андреевка (Андреевский) на р. Б. Юкса. Там в 1911 году числилось 100 дворов. Датой основания поселка назван 1898 год. В Андреевке было много литовцев. Там размещался костел».

уже распродавать имущество и скот, выправлять свидетельство переселенца, и ехать. Рвались родственные связи. У Василевских в Ошмянском уезде осталась родня.

Переселенцев ждали тяготы дороги. Конечно, уже существовала система снабжения переселенцев горячей пищей, переселенческие пункты с теплыми бараками и банями, медицинское обслуживание. Только на всех его не хватало – свидетельствами плохой организации изобилует либеральная и левая пресса тех времен. По приезде на новое место требовалось решить проблему с обустройством хозяйства: строить дом, поднимать поля. Которые, чаще всего, надо было раскорчевать из-под сибирской тайги.

Соотношение тогдашних цен к нынешним временам кажется смешным. Изба стоила 35 рублей, две коровы - 35 р., лошадь – 25 р., мелкий скот (коза, овца) – 15 р., соха - 5 р. Безвозмездный кредит на одну семью переселенцев выдавался от 25 до 120 рублей, в среднем – исходя из соображения 9 рублей на человека (данные по деревне Андреевка)² Родители Василевские взяли ссуду в 100 руб. Ее хватило на дом, корову, коня, соху, борону. Но ведь по сибирским меркам иметь одну лошадь было недостаточно, сибиряки имели как правило 2-3. И для нормального хозяйства требовалось обзаведение овечками, птицей, другие орудия труда так же требовались. В результате Елена Василевская, которой уже исполнилось 13 лет, была оставлена в Томске, в качестве горничной.

Семьи обустроивались, задумывались о будущем детей. Василевские присмотрели дочке Елене жениха, католика Викентия Викентьевича Шутинского. Надо отметить, что до революции выбор жениха или невесты для переселенцев был ограничен своей конфессией. И это было не принуждением. Уже в советское время, отслеживая браки представителей семей Шутинских и Василевских, убеждаешься – дети первых переселенцев предпочитали создавать семьи с единоверцами: если не поляками, то, хотя бы, с литовцами, которых считали «вредными» по характеру, но все равно относили к своим.

Что до 16-летней Елены Шутинской, то она перспективы выйти замуж за 27-летнего взрослого мужчину испугалась и чуть было не отказалась. Настояли родители, уповая на то, что родители ее жениха – люди очень хорошие, и в Тюняре католиков кроме Шутинских и Василевских больше не было. Много католиков жили в соседнем селе, Андреевке, там даже костел был. Но Шутинские были почти что соседи.

Свадьба состоялась. В каком это произошло году? По словам бабушки, ей было 16, жениху – 27, но дело в том, что точного года рождения представителей этого поколения семьи никто не знает. Документы выдавали задним числом, в свидетельстве о рождении Елены Шутинской стоит дата рождения – 2 февраля 1885 года. Но тогда на момент приезда в Сибирь ей не могло быть 13 лет. Так что скорее всего, родилась Елена Викентьевна Василевская позднее, в 1887 году, а свадьба приходится на 1903 или 1904 год. Геннадий Николаевич просмотрел метрические книги Андреевского и Томского костелов, но записей о заключении брака не нашел. Не приходится сомневаться в двух вещах – это был венчаный брак и заключили его до 1906 года. В 1907 году у семьи родилась дочка Эмилия, а до нее, по словам Елены Викентьевны Шутинской, у нее было еще трое детей, умерших в младенчестве.

По свидетельству Брониславы Викентьевны, отец ее возил доски на продажу в Томск, обратно вез продукты. Возил товар он всегда по выходным. Если ему не хватало на продукты, то лавочники давали ему товар в долг, поскольку знали как честного человека. Наверно, этот промысел имел давние корни – леса в окрестностях современной Итатки до сих пор хватает. В 1914 году семья Викентия Шутинского, а также их родичи как со

² ГАТО Ф. 3-Оп. 44. Л. 498, ГАТО, Ф.3. Оп. 44. Д.2861

стороны Викентия Викентьевича, так и Елены Викентьевны решили выделиться на хутора.

Премьер-министр П.А. Столыпин мечтал о создании нового типа сельского хозяина. Процесс выделения крестьян на хутора и отруба должен был знаменовать важнейшую веху в истории России. Вместо скованного по рукам и ногам общиной с ее чересполосицей и переделами должен был появиться собственник компактно расположенных угодий. Эти угодья назывались отрубом, если человек продолжал жить в деревне и ездить на свои участки. Или хутором – если усадьба располагалась прямо на участке, и человек жил достаточно отдаленно от соседей. На семью, где был 1 мужчина полагалось земли 8 десятин (чуть больше 8 га). Семье Викентия Викентьевича Шутинского были к 1914 году 5 детей (дочери Аделя (1907 г.р.), Агата (1909 г.р.), Мария (1912 г.р.) и Анна (1914 г.р.), но мальчик был только один – Антон (1910 г.р.) Таким образом семье полагалось чуть больше 16 га. земли. Учитывая, что в Виленском или Гродненском уезде они могли рассчитывать гектаров на 5-6, Шутинские вряд ли жаловались на жизнь. Хутора Шутинских располагались на территории поселка Итатка. Дом Викентия Викентьевича Шутинского стоит практически на том же месте, где был построен (перенесли примерно на 6-10 м.). За одним хутором шли соседние. На территории Итатки размещались хутора потомков Викентия Адамовича Шутинского. Дальше шли хутора Буковских, Гайделисов, Маркина и т.д., в том числе и за пределами современного поселка, там, где сейчас находятся кладбище, с. Томское. Бронислава Викентьевна вспоминает о **землемерах**, которые не только выделяли участки ее родителям (слышала от старших, от мамы или отца), **но и пробили на их дворе колодец**.

Все казалось совершенно замечательным – дети растут, родители полны сил, трудолюбивые. Но на дворе стоял 1914 год. Викентий был из переселенцев, но поскольку прожил в Сибири более 6 лет, то армейских льгот не имел. Его призвали. Как призвали его брата Александра (Ивана, наверно, тоже, но об этом свидетельств нет), и шурина Виталия. Антон Шутинский, младший брат, полагал, что ему повезло. По совету ксендза Ивана Демикиса он поступил на службу в полицию в г. Томске. Полицейских, жандармов, работников тюрем на фронт не призывали, и до 1917 года Антон оставался почти дома³.

Мужики в армию шли с неохотой. Было налаженные хозяйства без них придут в упадок. На хуторе Викентия остался недостроенный дом. Земляные полы Елену Шутинскую смущали мало – на родине дощатых полов было немного, а неостекленные окна забились шерстяными домоткаными одеялами. Но легко ли оставлять жену с кучей ребятишек, младшая из которых родилась уже после ухода отца? Нам многое известно о том, как в годы Великой Отечественной войны «открыли второй трудовой фронт» колхозники в тылу. Коллективное хозяйство все же более устойчиво в условиях крайнего напряжения сил. Елена осталась одна. Помогали отец, свёкор, может быть, деверь Антон. Но надо было выживать, растить детей, управляться с землёй, с огромным, до 50 соток, огородом. Дочка Елены Викентьевны Шутинской, Бронислава, этого времени не видела. Но она знает, что такое крестьянский труд. Потому без слез не может об этом думать: В отсутствии мужа, Елена одна вела хозяйство, пилила лес, изготавливала доски (плахи) и возила на лошади продавать в Томск. Для изготовления досок использовалась ручная

³ Служба в полиции Антону Викентьевичу Шутинскому аукнулась. После 1917 года он вернулся на хутор, где жил со своей женой и детьми. Имел хороший крестовый дом, 5 лошадей, 7 коров, 35 овец и ягнят, держал даже 2 постоянных работников. В 1929 году его обложили твердым заданием. В 1933 году привлекался по статье 58-10 – антисоветская агитация. Все это было прелюдией к самому страшному. В феврале 1938 он был арестован, привлечен по статьям 58/4-6-10-11 УК РСФСР и по постановлению тройки НКВД от 22.4.1938 г осужден к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 22 мая 1938 года. В 1959 году, в период так называемой "оттепели" он, как и все незаконно репрессированные, был реабилитирован».

продольная пила. Бревно закатывалось на высокий, не менее 2-х метров, помост. Два человека, один – стоя на земле, другой – с помоста, распиливали это бревно вдоль. Сейчас это трудно даже представить, но в тех условиях другого способа у них не было. Как она успевала работать? Старшей дочери на начало войны было всего 7 лет! Возможно, ей помогал отец, Викентий Василевский, или тесть, Шутинский Викентий Адамович. Елена Викентьевна ездила в Томск, продавать пиломатериалы. Выезжала вечером, после обеда предыдущего дня. На ночь останавливалась в деревне Кусково у своей племянницы Брониславы Петроченко, или у сестры Розалии Жданович. Выезжала с таким расчетом, чтобы успеть на ярмарку в Томске. «Дорога была узкая. – вспоминает Бронислава Викентьевна, - Иногда навстречу попадался обоз. Тогда мама сворачивала с лошадьёу в снег, пропускала обоз. Если последний возчик был человек честный, то он подходил, помогал женщине вытягивать на дорогу коня и сани, Если нет – то приходилось «самой корчаться». Так Елена Викентьевна сорвала спину.»

Политические передраги Елену Шумиловскую мало волновали – надо было работать, заботиться о детях. На хутора приходили вести о смерти Александра Шутинского и Виталия Василевского (оба погибли в 1915 году). После революции в белых войсках оказался Иван Шутинский⁴. Воевал у Колчака с 1917 по 1919 годы.

А Викентий Викентьевич оказался в австрийском плену и вернулся только в 1918 году. Впрочем, глядя на судьбы Антона и Ивана, не знаешь, чему радоваться, а чему огорчаться. У него сложилось лучше, чем у многих. Появились на свет новые дети Эмилия (1919 г.р.), Петр (1923 г.р.), Иван (1924 г.р.), Бронислава (1929 г.р.). За 9 детей Елена Викентьева Шумиловская получила Орден Материнская слава 2-й степени. Достойна была и более высокой награды – но в 1937 году арестовали сына Антона. По ошибке, перепутав с дядей, но все же «был бы человек – статья найдется». И Антона Викентьевича Шутинского-младшего расстреляли.

И еще одна трагедия прошла через семью. Викентия Викентьевича Василевского раскулачили. К 1929 году он был уже стар и жил с дочерью Анной, которая была замужем за литовцем, Христофором (Крысюком) Адамовичем Мачкинисом. Хутор числился за Викентием, но фактически им руководил более молодой и энергичный Крысюк – так звала Мачкиниса родня. В 1929 году пришли активисты, раскулачивать. Крысюк, как рассказывали потом родственники, «утаился», а Викентий Викентьевич посчитал, что его по возрасту не тронут. И потому послал пришедших куда подале. Но сложилось иначе. Старика забрали и до сегодняшнего дня никто не знает, как он окончил свои дни. Известно лишь то, что старшая дочь, Елена ездила искать отца. Лагерь находился где-то возле деревни Ново-Кусково. Ей ответили, что он умер с голода, но не дали никаких подтверждающих документов. Правнук Викентия Василевского Геннадий Березовский рассказывает: «В архиве ФСБ его дела нет. В ИТЦ УВД по Томской области, где есть дела по раскулаченным, ссыльным, под комендатурой его тоже нет.» Как в воду канул...

⁴ После войны он жил в Итатке, и запомнился как человек очень набожный. Воспитывал падчерицу Екатерину (дочь жены, Марии Марковны Ереминой, от первого брака) и множество своих Веру (1924 г.р.), Эмилию (1925 г.р.), Виктора (1928 г.р.), Брониславу (1933 г.р.). Хозяйство имел большое, за что поплатился в 1929 году. Нажитое отняли, но ладно хоть, не выслали. Однако в 1937 году его обвинили в создании польской террористической группы. Вот тут припомнили все – и прошлое белогвардейское, и то, что брата Антона репрессировали, и даже то, что он ездил к своей родне, которая теперь уже проживала не в России, а в независимом буржуазном государстве. по протоколу допроса от 14.7.1938 г. Иван показал на себя: «Завербовал меня Говор Ульянов Францевич, высказывался о намерении выехать из СССР, обида на Советскую власть, лишившую меня всего моего кулацкого хозяйства, Работая в колхозе «Путь социализма» Бороковского с/с умышленно уничтожал лошадей – вовремя не кормил, не выдерживал выстойки. Поэтому в 1937 г. пали три лошади. Среди колхозников вел контрреволюционную агитацию, в результате которой из колхоза вышли 7 хозяйств.» Ему также приписывалась подготовка диверсионного акта с целью уничтожения коммунистов села. В результате Иван Шутинский был приговорен к расстрелу.

В целом на месте хуторов сложился свой мир, объединенный католической верой и близостью мест выхода. И в советское время он подвергся изменениям, но не до такой степени, чтобы забыть о своих корнях. Бронислава Викентьевна, младшая дочь, вспоминает, что мама хорошо говорила по-польски, однако жизнь сложилась так, что говорили чаще по-русски. Иногда проскальзывали слова родного языка в бытовых ситуациях. «Отсе!» - командовал отец дочери, чтобы она отскочила от падающего дерева – в годы Великой Отечественной девочке приходилось с отцом рубить лес. Чаще – в ситуациях, связанных с религией. И по сей день она предпочитает называть вещи, которые связаны с католицизмом польскими именами. Молитвенник она называет ксенжкой, четки – ружанцем, а про конфирмацию рассказывает: «При бежмовании мне дали имя Вероника. Меня бежмовали в 8 лет. Вообще-то полагается в 12, но времена начались такие, что мама боялась – не будет возможности через 4 года» И верно – Костел в Андреевке закрыли, перевезли добротный сруб на формирующуюся станцию Итатка. Устроили в костеле сперва милицию, потом почту. (Кстати, листовничные венцы костела до сих пор лежат перед зданием сельской администрации). С религией боролись. Но в быту люди продолжали держаться обычаев старины. В семье особо праздновались Пасха и Рождество. На Рождество всегда делался большой стол, приносилась лавка, чтобы вся семья могла быть за столом. Под скатерть клали сено, а в углу ставили сноп. Еда в Сочельник постная – делали клецки, к клецкам толкли мак и смешивали с медом. В эту смесь клали клецки и ели из общей тарелки».

А в целом – жили, как все. Много и тяжело работали. На Асино и Белый яр протянули железнодорожную ветку и вокруг станции образовался поселок, названный без затей по протекающей мимо реке Итаткой. Это дало возможность приработка – Шутинские пускали на постой проезжающих. Дети вырастали. Старость – не радость Первым начал болеть Викентий Викентьевич. Он очень много курил Шутинский. Табак выращивал свой, от курения руки у него были желтые до самых локтей. Кисет с табаком он хранил на подоконнике, рядом стояла широкая лавка. Внукам (Костя Чайковский начал курить в 10 лет), которые «тянули» у него табак, говорил: «Курите, но не прячьтесь, а то спалите что-нибудь». Но в 1954 году по рекомендации врачей бросил, прокомментировал: «Хочу еще пожить». Умер он в 1960 году в возрасте 83 лет.

Елена Викентьевна пережила его намного – умерла в 90-летнем возрасте. В семье хранится ее балеточка, где она берегла вещи, дорогие для нее: оплатки, освященный мел и zelki – благовонные освященные травы из костела, которыми окурился дом после похорон. У нее были дети, из которых сейчас жива только младшенькая, Бронислава. И любящие внуки (много времени прошло после ее смерти, эти внуки уже сами седые, а рассказывая о ней, улыбаются и любовно называют бабушкой).

«У мамы была свадебная юбка, - рассказывает Бронислава Викентьевна – Она выходила в ней замуж. Потом, когда с товарами стало плохо, она выпоролла из нее несколько полос на одежду нам. Но похоронили ее в той самой юбке, в которой 74 года назад она шла под венец».

Геннадий Березовский родился в Сибири и живет в Томске. Но он помнит о своих корнях, и вот уже двадцать лет занимается собиранием семейной истории: рассказы родственников, крупницы, собранные в архиве. Гарантия того, что его дети и внуки будут знать о своих далеких польских предках, для которых судьбой стала Сибирь.